

этот поступокъ „безуміемъ» и сказать, что „горячія головы, безумцы, погубятъ все дѣло». Они считали, эти благоразумные и осторожные люди, что ихъ партія, спокойно продолжая свою работу, черезъ сто, двѣсти, можетъ быть, триста лѣтъ, завоюетъ весь міръ, — и вдругъ врывается что-то неожиданное: неожиданное, т. е. то, чего не ожидали они, эти благоразумные и осторожные. Кто хоть нѣсколько знакомъ съ исторіей и не лишенъ способности отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, прекрасно знаетъ, что теоретическая пропаганда революціи неизбѣжно переходитъ въ дѣйствіе гораздо раньше, чѣмъ того хотятъ теоретики; но все же, благоразумные теоретики возмущаются поступками безумцевъ, предають ихъ анаѣмъ и изгоняють изъ своей среды. Однако, эти безумцы находятъ тайное сочувствіе въ народѣ, который восторгается ихъ смѣлостью и готовъ слѣдовать ихъ примѣру. Большой частью, они идутъ умирать въ тюрьмы и на каторгу, но сейчасъ же являются новые безумцы, которые продолжаютъ ихъ работу. Бурныя проявленія нелегальнаго протеста, поступки, вызванные возмущеніемъ и жаждой мести, — все учащаются.

Оставаться индифферентнымъ теперь уже невозможно. Люди, которые вначалѣ даже не задумывались надъ тѣмъ, чего хотятъ „безумцы», принуждены теперь дать себѣ въ этомъ отчетъ, выяснить ихъ идеи и стремленія и стать на ту или другую сторону. Поступки этихъ „безумцевъ» привлекають всеобщее вниманіе, и въ нѣсколько дней дѣлають больше, чѣмъ тысячи брошюръ. Новыя идеи проникають въ сознаніе и завоевываютъ все больше и больше сторонниковъ.

Пропаганда дѣйствіемъ пробуждаетъ духъ возстанія и зарождаетъ смелость. — Старый режимъ съ его судьями, полицейскими, жандармами и солдатами казался непоколебимымъ, но и Бастилія была неприступна въ глазахъ безоружнаго народа, собравшагося подъ ея высокими стѣнами, укрѣпленными заряженными пушками, готовыми открыть огонь. Но вскорѣ замѣчаютъ, что установленный режимъ не такъ силенъ, какъ это казалось. Одного смѣлаго поступка было достаточно, чтобы разстроить въ нѣсколько дней правительственную машину, чтобы поколебать этотъ колоссъ. Одинъ смѣлый порывъ поставилъ вверхъ дномъ цѣлую провинцію, и грозныя войска должны были отступить передъ горстью крестьянъ, вооруженныхъ камнями и дубинами. Народъ замѣчаетъ, что чудовище не такъ страшно: нѣсколько энергичныхъ усилій, и оно погибнетъ. Надежда зарождается въ сердцахъ и, — замѣтьте это, — если отчаяніе вызываетъ иногда мятежи, то только надежда, надежда побѣдить, создаетъ революцію.

Правительство пытается устоять; оно не хочетъ показать своей слабости и безумно свирѣпствуетъ. Но, если раньше репрессіи могли убивать энергію угнетенныхъ, то теперь въ эпохи возбужденія, онѣ производятъ обратное дѣйствіе. Репрессіи вызываютъ новые взрывы, новые протесты, индивидуальные или коллективные; онѣ доводятъ возставшихъ до героизма и понемногу революціонныя дѣйствія усиливаются и распространяются.

Революціонная партія растетъ благодаря притоку новыхъ элементовъ, которые раньше относились къ ней враждебно или же прозябали въ полной индифферентности. Въ правительствѣ и среди правящихъ и привилегированныхъ классовъ произошелъ разладъ: одни стоятъ за упорное сопротивленіе, другіе высказываются за уступки, третьи, наконецъ, готовы отказаться на время отъ своихъ привилегій, чтобы успокоить непокорныхъ, въ надеждѣ въ скоромъ будущемъ окончательно подавить возстаніе. Связь между правительствомъ и привилегированными классами порвана.

Правители могутъ, конечно, обратиться къ послѣднему средству: прибѣгнуть къ бѣшеннѣйшей реакціи. Но теперь уже поздно; борьба отъ этого станетъ только ожесточеннѣе, а грядущая революція zalъется кровью. Съ другой стороны, малѣйшая изъ уступокъ со стороны правящихъ классовъ ободряетъ возставшихъ, такъ какъ она сдѣлана слишкомъ поздно, вѣрнѣе, вырвана силой. Народъ, который раньше удовлетворился бы этой уступкой, замѣчаетъ, что врагъ сдается; онъ предвидитъ побѣду и чувствуетъ какъ растетъ его сила; люди, которые раньше подъ бременемъ нищеты и страданій ограничивались одними вздохами, гордо поднимають голову и смѣло идутъ къ завоеванію лучшаго будущаго.

Наконецъ, разражается революція, и чѣмъ ожесточеннѣе была борьба, тѣмъ бурнѣе будетъ революція.

Направленіе, которое приметъ революція, зависитъ, конечно, отъ всей суммы разнообразныхъ обстоятельствъ, которыя подготовили наступленіе катаклизма. Но оно можетъ быть опредѣлено заранее по силѣ революціонныхъ дѣйствій, совершенныхъ въ подготовительный періодъ различными партіями.